

© 2013 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

К ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ В РОССИИ ГЕТМАНА П.Д. ДОРОШЕНКО В 1677–1685 ГОДАХ

В статье рассматриваются факты биографии гетмана П.Д. Дорошенко после его отречения от гетманства и переезда в Россию, в том числе обустройство гетмана в русской столице, его попытка добиться пожалования вотчинами, и интриги левобережного гетмана И.С. Самойловича, добивавшегося смещения Дорошенко с вятского воеводства.

The article analyses Hetman Petr Doroshenko's biography after his abdication and sending into exile to Moscow. It describes Doroshenko's life in the Russian capital, his efforts to obtain the estate, and intrigues of Ivan Samoylovich, the Left-Bank Ukraine Hetman, who insisted on Doroshenko's withdraw from the town of Vyatka, where he was the governor.

Ключевые слова: П.Д. Дорошенко, И.С. Самойлович, украинское казачество, русско-украинские отношения, вятское воеводство, XVII век.

Биография гетмана Правобережной Украины Петра Дорофеевича Дорошенко, касающаяся периода его жизни после отречения от гетманства в 1676 г. и отправки в Россию все еще мало известна историкам. Из обобщающих трудов, посвященных гетману П.Д. Дорошенко и его политике, наилучшим образом период его жизни в России представлен у Д. Дорошенко [1. С. 623 и сл.]. Сюжету этому посвящен и ряд специальных работ [2. С. 1–8; 3; 4. С. 223–232]. Многие связанные с данной проблематикой эпизоды нуждаются в уточнении и дополнительном исследовании. В научной литературе довольно фрагментарно представлены многие обстоятельства жизни Дорошенко в Москве и его отношения с русским правительством. Из-за скудости источников в историографии не ставился вопрос, сохраняла ли фигура бывшего правобережного гетмана какое-либо политическое значение после его перевода в Москву. Попытка частично заполнить эту лауну и предпринимается в данной статье.

По приезду в русскую столицу П.Д. Дорошенко был поселен в Китай-городе на так называемом новом Греческом дворе. Летом 1677 г., после прибытия жены бывшего гетмана, семейство Дорошенко было переведено на двор, принадлежавший некогда купцу Григорию Никитникову, который был подвергнут значительной реконструкции [4. С. 224–230]. В ноябре 1679 г. подьячему Малороссийского приказа Афанасию Денисову был дан царский указ – дополнительно возвести там «хоромное строение и печи и окончины внов зделать, а иные починить». На эти цели выделили 20 руб. [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 2].

Известно, что Дорошенко прибыл в Россию главным образом лишь в сопровождении семьи и челяди. Практически все политические соратники и доверенные

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

друзья бывшего гетмана остались на Украине. В московском окружении Дорошенко был лишь один из них – Иван Васильковский, личность весьма примечательная. Он служил у Дорошенко переводчиком с турецкого, исполнял дипломатические поручения. В 1668 г. Васильковского отправили посланником в Османскую империю. Уже тогда он был пожилым человеком [1. С. 172; 6. С. 252–253] (Н. Крикун скорректировал информацию Д. Дорошенко, что И. Васильковский был послом И.М. Брюховецкого). В 1671 г. Васильковский ездил с секретным поручением Дорошенко к левобережному гетману Демьяну Игнатьевичу Многогрешному [7. Т. 9. Стб. 688, 754]. Старый товарищ остался при Дорошенко, даже когда тот лишился власти и положения. Уже находясь вместе с ним на Левобережной Украине, И. Васильковский получил пару соболей царского жалованья [7. Т. 13. Стб. 55]. В июле 1677 г., будучи в Москве, Дорошенко ходатайствовал о выдаче верному «слуге старому» жалованья «на приезде» [7. Т. 13. Стб. 239]. Однако в октябре 1677 г. по неизвестным причинам «толмач» бывшего гетмана выехал на Украину [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 123–124, 136] (Подорожная датирована 18 октября, выдача 3 руб. царского жалованья на отпуске состоялась 24 октября).

Царское правительство не стремилось к полной изоляции Дорошенко, разрешая ему поддерживать контакты с малороссийскими родственниками и друзьями. В историографии обращалось внимание на факты встреч Дорошенко с приезжавшим в русскую столицу старшим канцеляристом В.Л. Кочубеем [4. С. 230] и посещения его семьей дочери в 1686 г. [1. С. 636]. К этому можно добавить еще ряд фактов. Так, в декабре 1677 г. слуга Дорошенко Харитон Нагаев «с товарищем» отправились в Глухов [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 309, 310] (подорожная датирована 11 декабря). В начале сентября 1679 г. на Украину выехали «челядники» Дорошенко – Антон Яцковский и Юрка Куржонок, которых бывший гетман направил в Сосницу – сотенное местечко Черниговского полка, «для проводывания матери своей» [5. Ф. 229. Д. 149. Л. 1–1 об.].

9 апреля 1687 г. Дорошенко «бил челом» великим государям об отпуске из столицы своего племянника Григория¹ к родителям в Сосницу. При чем Г. Дорошенко «жил при нем, Петре, на Москве», что свидетельствует о том, что Дорошенко и после пожалования вотчинами в Волоколамском уезде в 1684 г. наездами жил в столице. Григорий был отпущен из Москвы вместе с подьячим киевской приказной избы Матвеем Налетовым. Об этом был проинформирован гетман Самойлович, которому было запрещено без царского указа отпускать племянника бывшего правобережного гетмана обратно из Сосницы в Москву [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 186. Л. 110–111] (черновик отпуска царской грамоты к И.С. Самойловичу от 14 апреля 1687 г.). 16 апреля последовал царский указ дать Г. Дорошенко «в дорогу» пять рублей царского жалованья [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 186. Л. 109].

Поддержка Дорошенко связей с Украиной, вызывала опасения, как это будет показано далее, не столько в Москве, сколько в Батурине, ставке гетмана Самойловича.

Еще С.М. Соловьев сообщал о том, что осенью 1679 г. П.Д. Дорошенко было предложено ехать воеводой в Великий Устюг, но гетман отказался [9. С. 222]. Однако недавно петербургская исследовательница Т.Г. Таирова-Яковлева со ссылкой на архивный источник написала, что бывший правобережный гетман принял это назначение в начале 1680 г. Кроме того, вопреки сложившемуся в историографии мнению, историк утверждает, что тогда же Дорошенко были пожалованы вотчины [4. С. 230]². К сожалению, Таирова-Яковлева в соответствующем примечании не указала номер дела, а лишь лист. В деле же № 149, которое вкупе с опубликован-

¹ В родословной росписи В.Л. Модзалевского он не указан [8. С. 454–455]. Мог быть сыном как Григория, так и Андрея Дорошенко.

² Видимо на основе ее работы об этом написали украинские исследователи В. Смолий и В. Степанков, без указания источника информации [10. С. 614].

ными материалами использовалось ей в ходе подготовки статьи, информация о назначении Дорошенко воеводой и пожалования ему вотчин отсутствует, в том числе и на том листе (№ 150), на который ссылается исследовательница. Проверить утверждения Таировой-Яковлевой, а также выявить новые подробности пребывания Дорошенко в России позволяет обращение к неизвестным ранее документам Российского государственного архива древних актов.

На самом деле весь 1680 г. Дорошенко провел в Москве. Об этом свидетельствует ряд документов. Во-первых, расписки в ежемесячном получении назначенного бывшему гетману жалованья. Рассчитываемое поденно, в среднем за месяц оно составляло 60 рублей. Во-вторых, материалы, касающиеся хозяйственного обеспечения живших в Москве украинцев, которым заведовал Малороссийский приказ. Помимо П.Д. Дорошенко, это был гетманский сын Яков, а также приезжавшие на время представители духовных и светских властей Малой России. Для лиц, которые проживали постоянно в Москве, смета расходов утверждалась с началом года, т.е. в первых числах сентября.

Вопрос о жаловании Дорошенко нуждается в небольшом уточнении. В процитированном Т.Г. Таировой-Яковлевой фрагменте соответствующей докладной выписки говорится, что в 1677 г. из выдаваемых гетману поденных денег (два руб.) оплачивались также конский корм и дрова [4. С. 228]³. Однако 12 сентября 1678 г. в ответ на челобитье Дорошенко последовал царский указ давать бывшему гетману конский корм на пять лошадей (по семь четвертей овса и по 15 возов сена на месяц), а также дрова (сажень мерная в месяц, с 1 мая по – две сажени на три месяца) «сверх поденного корму». 19 сентября соответствующая память была дана Ивану Федоровичу Рыкачеву – велеть купчине Виктору Фомину и целовальнику «Пашке Андрееву» покупать для Дорошенко конский корм и дрова на деньги Малороссийского приказа [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 114. Ч. 1. Л. 5; 5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 5]. Подлинная челобитная Дорошенко, приказная выписка и решение по делу публикуются в приложении (документ № 1). Помимо денежного жалованья, конских кормов и дров, бывший правобережный гетман получал «питье» с даточного двора (до 1 июля 1678 г. – с новомещанского кружечного двора) «в готовых судах» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 4, 7, 8]⁴. 2 сентября 1679 г. данная структура расходов была утверждена на текущий год [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 7].

Кормовые деньги выдавались наличными слугам Дорошенко по его собственноручным распискам. Наиболее ранняя расписка гетмана, по которой деньги получил его человек Степан Романович не датирована, но находится среди расходных столбцов Малороссийского приказа за 7186 год (1677/1678 гг.). «Афанасию Андреевичу кланяюся», – писал бывший гетман. – «Великого осударя жаловане месячное мне Петру Дорошенку через сего слугу моего Степана Романовича, да их даты до рук его извол ваша милость. Петро Дорошенко» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 195]. За 1680 г. таких расписок сохранилось несколько. 7 февраля 1680 г. 58 рублей получили в Малороссийском приказе слуга бывшего гетмана Антоний Яцковский [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 59], вернувшийся, как видно, из поездки в Сосницу. За март сохранилась расписка-автограф Дорошенко, по которой деньги получили Прокофий Антонович и Степан Заруцкий [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152.

³ При этом исследовательница слова «и по докладной выписке» ошибочно прочитала как «и подослано в отписке». Еще одна неточность содержится в цитате, сообщающей о пожаловании Дорошенко «для имянин» царевны Марфы Матвеевны [4. С. 230]. У автора вместо слов «для имянин» вставлена фамилия гетмана, что делает причину пожалования непонятной. Ср.: [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 3, 6]. См. также царский указ от 3 сентября 1677 г. о сохранении жалованья Дорошенко в размере двух руб. в день в наступившем году [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 133. Л. 4].

⁴ См. также фрагмент выписки о выдаче Дорошенко с даточного двора с 1 сентября 1679 г. по 1 сентября 1680 г. «вин двойного и простого и меду вареного и белова и питья по указным статьям» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 142. Л. 16].

Л. 71]⁵. Сохранилась оригинальная расписка Дорошенко также за май [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 151]⁶. В дальнейшем жалованье получал гетманский «челядник» и «стряпчий» Василий Лопатинский [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 189, 206, 222] (расписки сохранились от 2 июня, за июль и август 1680 г.).

Помимо регулярных выплат, Дорошенко получал жалованье и в честь церковных праздников. 24 марта в честь Благовещения ему выдали из приказа 1 руб. «на рыбу». Я.С. Самойлович при этом получил «на рыбу» 4 руб. Вряд ли это объяснялось тем, что на его дворе проживало больше людей, являясь скорее показателем большей щедрости царя [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 116]. «На свята Воскресеня Господня жалованя осударева отбераю грошми рубли десять, алтынов семнадцать. Петро Дорошенко», – гласит расписка, деньги по которой были выданы 19 апреля [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 127].

Соответствующие документы фиксируют непрерывное выделение денег на весь год, т.е. с сентября 1679 г. по август 1680 г. на закупку и доставку на дворы Дорошенко и гетманского сына Якова сена, овса и дров, включая и материалы «на дворное строение». Этим занимались подрядчики Малороссийского приказа купец Василий Власьев и целовальник Трофим Гончар [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–6об., 13–13об., 17, 54–55, 62–63, 91–93, 106–107, 114–115, 123–124, 134–135, 152–152об., 170, 193–194, 207–208, 221–221об., 224–225, 228–229]. Власьев и Гончар получали под роспись, как правило, 30 руб. Когда деньги заканчивались, в приказ подавалась соответствующая записка, после чего глава ведомства думный дьяк Ларион Иванов давал распоряжение выдать новую сумму.

3 февраля 1680 г. купцу и целовальнику было указано «навозить» на будущее лето лед в устроенные в погребях ледники на дворах П.Д. Дорошенко и Я.И. Самойловича. Лед был вырублен и привезен с Москвы-реки к 26 февраля [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 149. Л. 253–256].

В 1680 г. Дорошенко подал в приказ одну за другой две челобитные с просьбой о пожаловании какого-нибудь «вотчинного местечка» (публикуются в приложении). Бывший гетман, поднаторевший в искусстве политической лести, цитируя Псалтырь, уверял царя, что с юных лет мечтал быть под «славно державною рукою [...] единого на свете православного государя».

Дорошенко напоминал, что в свое время сдался князю Г.Г. Ромодановскому и И.С. Самойловичу под гарантии царской милости и обещание «исходатайствовать» получение вотчины. Он жаловался, что все его движимое и недвижимое имущество, оставленное на Правом берегу Днепра пропало, а то, что удалось перевезти на Левый берег, уже растрачено. Бывший гетман уверял, что в свое время заплатил чигиринским сердюкам деньги из личной казны, чтобы удержать их от перехода на польскую сторону. Он сетовал, что живя в Москве «оскудал и великими долгами одолжал».

Выписку по первой челобитной было указано составить в приказе 3 января 1680 г. [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 1об.]. В результате были подняты документы, связанные со сдачей Дорошенко царским войскам в сентябре 1676 г. Речь идет о текстах царской грамоты правобережному гетману, посланий Самойловича и Ромодановского в Москву с информацией о прибытии Дорошенко из Чигирина в их лагерь. Первые два из них опубликованы [7. Т. 12. Стб. 687–696, 731–735]. В документах этих, конечно же, и речи не было о каком бы то ни было пожаловании Дорошенко вотчинами после сдачи. Все гарантии сводились к

⁵ «В року теперешнем 1680 месяца марта жалованя осударева отобралем рублей шестдесят я, Петро Дорошенко». Ниже дописано другим почерком: «По сему писму денег шестдесят два рубли человек сво Петров, Прокофей Антонович ис приему у подьячего Ивана Бирина, а в его место росписался Степан Заруцкий».

⁶ «Жалованя осударева на месяц май отобралем рублей шестьдесят и два рубле, я, Петро Дорошенко. Рука власная, подписуюс».

абстрактному обещанию царской «милости» и «жалованья». Не подтверждались ими и другие упомянутые Дорошенко события (например, о выплате денег сердюкам, об обещании Самойловича компенсировать ему потерянное на Правом берегу имущество). Более того в царской грамоте правобережный гетман обвинялся в неискренности, многократном неисполнении данных обещаний перейти под русскую власть, подданстве турецкому султану, нанесении вреда православию, запустении Правобережья и прочих «злых делех» [7. Т. 12. Стб. 688–691].

И хотя в выписке акцент был сделан не на «изменах» правобережного гетмана, а главным образом на описании сдачи Дорошенко и получении им лишь общих гарантий безопасности [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 4–9], не удивительно, что никаких решений по челобитной принято не было. О последнем свидетельствует подача Дорошенко в приказ следующего прошения. На обороте оригинала не указана дата его поступления, однако на составленной по этому поводу новой выписке почерком XVIII–XIX вв. вписана дата – 17 августа 1680 г. [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Ее обоснованность косвенно подтверждается и текстом самой челобитной. Дорошенко просил царя пожаловать ему вотчины «для всемерной своей государственной пресветлой радости». Этой «радостью», судя по всему, была свадьба Федора Алексеевича и Агафьи Семеновны Грушецкой, состоявшаяся в июле 1680 г. [11. С. 354]. Выписка по этой челобитной повторяла содержание предыдущей [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 11–13]. В конце документа иным подчерком была сделана приписка: «По сей выписке с челобитья Петра Дорошенко послать память в Приказ Большого Дворца, чтоб о том указ учинит в Приказе Большого Дворца» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 13].

Однако, и на этот раз бывший гетман, не только, по-видимому, остался без вотчин, но и был выселен с занимаемого им двора Никитникова, который в связи с начавшимися пожалованиями родственникам новой царицы был отдан ее матери, боярыне Марье Матвеевне Грушецкой. Об этом Дорошенко объявили 21 августа посланные думным дьяком и руководителем Малороссийского приказа Ларионом Ивановым подьячий Иван Торопов и Яков Рыкачев.

Взамен Дорошенко был предложен ранее занимаемый матерью царицы двор боярина Михаила Ивановича Морозова, взятый в казну после смерти этого последнего представителя древнего и знатного рода. Двор располагался в Белом городе, между Тверской и Никитской улицами, там, где ныне стоит старое здание Московского университета, в приходе церкви Георгия Великомученика, «что словоет на Вшивой горке».

Рыкачеву и Торопову было велено «осмотреть и измереть» двор Морозова, в то время как Дорошенко «на время» должен был переехать на посольский двор («Миколаевской двор Давыдова»), располагавшийся на Покровке [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 14, 18]⁷. Последнее строение в 1680-е годы неоднократно использовалось Посольским приказом для размещения прибывавших в Москву иностранных дипломатов и других важных лиц. Так, например, в 1684 г. на «Давыдовском дворе Николаева, что на Покровке, в двух палатах», где ранее располагался шведский посол, было указано стоять прибывшим в столицу грузинским царевичам Александру и Матвею [12. Ч. 1. С. 292, 317, 330, 366], а в 1685 г. – их отцу, царю Арчилу [12. Ч. 2. С. 38].

Выслушав царский указ, Дорошенко заявил, что «ему перевестись не на чем, лошадей на Москве (у него. – К.К.) нет». Он напомнил, как при переезде с Греческого двора «от извошиков стало убытко(в) много», а теперь, учитывая что предстоят «две перутруски» следует ожидать, что и «убытки» вырастут «вдвое»,

⁷ Подьячие составили не только описание двора, но и собственноручный его чертеж вместе с околицами [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 16–19].

так как «извошки ево роскрадут всего». Удрученный Дорошенко говорил, что на Никитниковом дворе «строил он много на свои денги», тогда как Морозовский двор «чаёт он, что весь разорен, а строить ево вновь будет долго».

Бывший гетман сообщил, что «приторговал» себе двор в Белом городе на Покровке у дьяка Афанасия Ташлыкова «с каменным строением» за 4 000 руб. и теперь просил, чтобы покупка и перевозка туда вещей Дорошенко были произведены за казенный счет [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 15].

Однако правительство проигнорировало эту просьбу. Единственное, что было сделано, так это дано распоряжение выделить Дорошенко 20 «запасных» подвод «с телеги и с проводники» из Ямского приказа [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 20]. Власти так спешили освободить Никитников двор для боярыни М.М. Грушецкой, что переезд состоялся уже 23 августа [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151. Л. 22].

Никитников двор, который покинул бывший гетман, был описан подьячими Малороссийского приказа. Опись, публикующаяся в приложении (документ № 4), показывает, что Дорошенко был хозяйственным и аккуратным человеком, сумевшим наладить свой быт в русской столице.

Бывший гетман регулярно приглашался на торжественные мероприятия царского двора, что с одной стороны служило знаком монаршей милости, с другой придавало дополнительную представительность тому или иному столичному действию. Во время празднования новолетия 1 сентября 1678 П.Д. Дорошенко и гетманский сын Семен наблюдали за торжественной церемонией с паперти Архангельского собора Кремля [13. Стб. 62; 4. С. 230]. Год спустя они располагались уже «на рундуке [...], что от церкви Благовещения [...] к соборной церкви [...] против угла Грановитые полаты» [13. Стб. 103; 1. С. 636].

6 января 1681 г. по царскому указу Дорошенко и проживавший в столице сын гетмана Самойловича – Яков «поставлены были к действию на Иордани на прежнем месте, где ставливаны они в прошлых годах, за государевым местом в порядке, в котором стоят столники, также столники и полковники, а учитель ево, Павел Василковской, и при нем будучие и челядь позадь их в другом порядке». Во время царского выхода на Иордань к бывшему правобережному гетману и сыну Самойловича подошел разрядный дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый, поставив обоих «по левую сторону государева места». «После действия» посольский дьяк Василий Бобинин по царскому распоряжению спросил П.Д. Дорошенко и Я.И. Самойловича «о здоровье» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 83. Л. 195].

В 1681 г. царское правительство решило наконец-то предоставить Дорошенко постоянное место для проживания в столице. В ноябре последовал царский указ – дать бывшему гетману «на дворовую покупку» 700 руб. из Приказа Большой казны [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 71–74]. Судя по этой сумме, двор, который планировалось приобрести, был значительно скромнее того, который Дорошенко «приторговал» себе ранее. Деньги выдали [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 75–76] и двор был куплен в Белом городе у Всехсвятских ворот. П.Д. Дорошенко подал челобитную, с просьбой «для перевоски дать ямские подводы, на чем бы ему поднятца». 5 февраля 1682 г. челобитная была удовлетворена [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 169. Л. 153]. Не прошел и месяц после переезда, как Дорошенко был назначен воеводой в Вятскую землю – достаточно обширный и важный регион в составе России. 10 марта в Малороссийском приказе распорядились прекратить выдачу бывшему гетману конских кормов и дров, начиная с 1 апреля в связи с его отъездом из Москвы [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 192. Л. 7]. Уже в июне 1682 г. бывший гетман находился на месте службы [3. С. 26].

Назначение Дорошенко на воеводство преподносилось с одной стороны как знак доверия и акт царской милости по отношению к бывшему гетману, благодаря которому он мог поправить и свое материальное положение. С другой стороны оно избавляло московские власти от докучливого челобитчика, который, как было

показано выше, желал поправить свою ситуацию иным способом, без принятия на себя обязанностей воеводской службы.

Любопытно и то, что этот шаг московских властей не только не пришелся по нраву самому Дорошенку, но и вызвал недовольство гетмана Самойловича, ревнивым оком наблюдавшего за малейшим возвышением бывшего соперника. Гетман не преминул воспользоваться первой же оказией, чтобы внушить русскому правительству сомнения в верности Дорошенку.

Еще когда П.Д. Дорошенко жил в Москве, к нему приехала теща – жена Павла Яненко-Хмельницкого, проживавшего в Соснице, вместе с другими родственниками бывшего правобережного гетмана. Когда Дорошенко отправили воеводой «на Вятку», она поехала туда вместе с ним. Однако в Филиппов пост (длился с 15 ноября по 24 декабря ст. ст.) 1682 г. П. Яненко-Хмельницкий писал Дорошенко, «что он лежит болен», прося «чтоб он жену ево отпустил к нему домой на Украину». Соответствующее послание было отправлено и теще бывшего гетмана. За неделю до Рождества, т.е. где-то 17 декабря жена Яненко-Хмельницкого выехала из Хлынова (Вятки). В провожатых с ней поехал некий Федор Андреев, человек «русской породы», некогда «прислуживец» окольничего Осипа Ивановича Сукина и сына его стольника Ивана. Послужив у них, Федор «бил челом [...] Петру Дорошенку в кабальное холопство». Бывший гетман взял его к себе служить «во дворе». Ф. Андреев довез тещу Дорошенко на Украину «в целости», где она «тестя застала жива, лежит болен» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 437–438].

Стоит отметить, что Дорошенко по всей видимости охотно брал к себе в услужение людей неукраинского происхождения, чтобы пополнить число своей челяди. Известно, что ранее он намеревался приобрести себе юношу-калмыка за двадцать рублей, но сделка не состоялась из-за отказа продавца, некоего Ивана Волошенина [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–1об.]⁸.

В начале третьей декады января (через пять недель после выезда из Вятки) путешественники прибыли в Сосницу, где жил также младший брат бывшего правобережного гетмана, Андрей.

Андрей Дорошенко, вероятно, чтобы предупредить возможные обвинения в каких-либо интригах, отправил Ф. Андреева в Батурын, к гетману Самойловичу, несмотря на то что тот имел распоряжение хозяина возвращаться домой как можно скорее. В ходе распроса тот сделал несколько заявлений, привлечших особое внимание гетмана. Во-первых, Ф. Андреев заявил, что «город Вятка в конец разорена от приезжих московских воевод», во-вторых, «что тамошние жители уж чрез три года дерево едят для нищеты, недородов великих» и, в-третьих, что «некакие башкирцы велми тому краю докучают». «И с тех пор, – продолжал рассказчик, – Петр Дорошенко, жалеючи тех людей оскудения, за свое денги не токмо хлеб, но и дрова и харч себе и добрым подобием употребляет и до брата своего Андрея о том же пишет, надеючися, что ему укажут на Москве жити» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 437–438]. В нашем распоряжении нет источников, чтобы проверить, какова была реальная ситуация в вятской земле в описываемое время, однако учитывая продолжавшееся уже третий год башкирское восстание (охватило Поволжье и Приуралье в 1681–1683 гг.) положение в городе види-

⁸ Об этом мы узнаем из челобитной нежинского жителя Тимофея Сидорова. Т. Сидоров выступил посредником, водив «большого калмыченка» на показ П.Д. Дорошенку и договорившись о цене. Однако И. Волошенин отказался от сделки. Он не стал посылать за деньгами к бывшему гетману Сидорова, и не пошел сам, сославшись на занятость. Тем временем калмык был продан некоему старцу Мелетию, видимо за большую сумму. Т. Сидоров подал челобитную, прося заставить Волошенина возместить ему «убытки» в виде неполученного вознаграждения за посредническую деятельность. Челобитная принята 26 апреля 1678 г., но возможно, что все дело происходило еще когда Дорошенко пребывал на Левобережной Украине, т.е. осенью 1676 – весной 1677 гг.

мо действительно было сложным, что заставляло Дорошенко просить отпуска с воеводства.

Еще более примечательные вещи, касавшиеся Дорошенко, поведал Ф. Андреев гетманскому канцеляристу Григорию Булдаковскому. «*Зело он по сей земли тужит, а когда б имел крыле или знал бы иную дорогу, а не через Москву, рад бы суды перелетет* (курсив мой. – К.К.)», – свидетельствовал Ф. Андреев, добавив, что бывший гетман часто вспоминает живущего в Малой России «верного к себе человека», не называя его имени [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 435].

Бдительный гетман Самойлович немедленно отправил дорошенковского слугу к севскому воеводе и окольному Л.Р. Неплюеву, через которого поддерживались постоянные контакты Батурина и Москвы. «А ныне бы в такие времена непристойно с Вятки на Украину, а из Украины на Вятку его дорошенковым людем ездить», – восклицал Самойлович в письме (от 30 января) окольному [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 432–434], имея в виду недавно окончившееся «смутное время» стрелецких беспорядков в Москве и других городах и попытки Речи Посполитой организовать антироссийское восстание на Украине и в Смоленске [14. С. 105–120]. Он напомнил Неплюеву их недавний разговор в ходе встречи в Батурине, касавшийся «поведения Войска Запорожского и Донского не токмо ныне, но и от давних времен: так у них бывало и ныне есть, каков бы чего не дай Боже злый умысл зачинати, то одни другим дают знати». Самойлович обращал внимание Неплюева на две «знатные» вещи, которые, как он писал, «прилучилося нам ведати не токмо за живота нашего, но при гетманстве моем». Первое событие – «как донские, диавола того, самозванца, дав ему своего знатного товариства на Запороже привели и Серку ево на руки отдали, а тот уж, малодушный, совершенным царевичем назвал его, зделав ему печать и войсковые знамена, для какова их безумия не мало в том беды имели есмы, дондеже то оттуды искоренили» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 432–433]. Речь шла о самозваном царевиче Симеоне Алексеевиче, действительно прибывшим на Сечь с Дона вместе с донскими казаками в 1673 г. и признанного там «истинным царевичем». Позднее он был все-таки выдан русскому правительству запорожцами во главе с кошевым Иваном Серко и казнен в Москве в сентябре 1674 г. [15. С. 31–38].

Второе событие, о котором напоминал гетман царскому воеводе, было связано со сдачей войсковых клейнодов (символов гетманской власти) Дорошенко казакам Запорожской Сечи помимо Батурина и Москвы в 1675 г.: «Как надокучили войска великих государей наших купно и с нами Дорошенко в Чигирине, тогда он не хотел суды склонитися и знамен войсковых отдать, писал от себя к Серку на Запорожье, а что б Серко к донским писал, совет их употребляя, куда б лутчи теми знаменми войсковыми приклонитись, и так по желанию ево Дорошенковым пришло из Дону несколько надесят коней на Запорожье избраннейших людей с нынечним атаманом донским с Флором Минаевичем, оттоле поднявся с Серком, ходили к Дорошенку в Чигирин, где конечно договорились было, что те знамена войсковые на сю сторону не отдават, однакож так господь Бог зделал и милостию великого государя нашего и счастием, что хотя не хотел, то принужден был склонитис» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 433–434].

Гетман Самойлович преувеличивал роль донских казаков в описываемых событиях. Известно, что донские казаки во главе с Фролом Минаевым уже присутствовали на Сечи в момент получения письма правобережного гетмана с предложением сдать войсковые клейноды Низовому войску, прибыв туда для совместных действий против татар. Тем не менее, донцы во главе с Ф. Минаевым действительно посетили Чигирин вместе с запорожцами, где Дорошенко принес присягу на верность царю и отдал знаки гетманской власти кошевому Ивану Серко. Это вызвало резкое недовольство гетмана Ивана Самойловича и царского правительства [16. С. 495–499; 10. С. 569–582].

Что имел в виду гетман, напоминая Неплюеву, как он сам говорил «для перестерегателства впред будущия времена сие дела, на которые очесы своими на-смотрехомся»? Самойлович неспроста писал об этом после намека на «нынешнее поведение» донских и запорожских казаков. Совсем недавно, весной 1682 г. произошли крупные волнения на Дону [17. С. 123–193; 18. С. 41–44, 63–72], вновь поднявшиеся летом – осенью 1683 г. [9. С. 290–291; 19. С. 429–433; 20. С. 112–122], а запорожцы отказались выдать направленную им польским королем грамоту с призывом выступить против гетмана и России [21. С. 8–11].

Очевидно, что лишний раз обращая внимание центрального правительства на и так неплохо известный тому «бунтовщический» потенциал казачества, Самойлович намекал, что свобода, данная Дорошенко в его контактах с проживавшими на Украине родственниками чревата возможными интригами бывшего правобережного правителя на Сечи и Дону, где и без того хватало антироссийских и антигетманских настроений. Важно и то, что гетман подчеркивал общность интересов Москвы и Батурина в политике по отношению к вольным казачьим общинам в низовьях Днепра и Дона.

Посылая в Севск Ф. Андреева, гетман рекомендовал Неплюеву «тайно распросить» его обо всем, связанном с деятельностью Дорошенко в Вятке и выяснить имя его неизвестного друга на Украине [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 435].

В Севск человек Дорошенко был прислан 1 февраля. Воевода в тот же день отправил в Москву гетманское письмо с подьячим Вонифатьем Парфеньевым. Ф. Андреев был выслан в столицу отдельно – с севским приставом – пушкарем Федотом Яковлевым и с «провожатými» 4 февраля [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 429, 436].

12 февраля обстоятельства дела были доложены царевне и комнатным боярам (отмеченное участие в обсуждении великих государей было номинальным). Последовал царский указ «держать» письмо Самойловича «тайно», а Ф. Андреева подвергнуть допросу, в первую очередь для того, чтобы выяснить «кто имяны в Малороссийских городех Дорошенку друзья, о которых он часто воспоминает» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 429 об., 436 об.].

Допрос слуги бывшего правобережного гетмана состоялся в тот же день в Малороссийском приказе. Изложив уже вышеприведенные обстоятельства своей поездки, Ф. Андреев добавил, что «Петра де Дорошенка на Украине друзей толко что брат ево Андрей, да тесть ево Павел, а иных никово друзей ево не знает». Только от этих двоих Федор и вез «грамотки» в Вятку, «а опричь тех грамоток ни от ково к нему нет». Он говорил, что пробыл на Украине только четыре дня, вновь повторяя, что в Вятке «кто ему на Украине друзья, в речах не слышал, опричь брата ево Андрея», который единственный и поддерживает корреспонденцию с бывшим гетманом. «И писем во вес год было толко одно, о теще ево, а болши того не бывало», – добавил слуга. Он предъявил «два листа, один полского, другой белорусского писем». Первое было от брата Андрея, второе от П. Яненко-Хмельницкого. Послания распечатал и прочел переводчик Посольского приказа Иван Тяшкогорский, констатируя, что в них «писано толко о здоровье» [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 437–439].

Результаты допроса были доложены правительству, после чего Ф. Андреева было указано «свободит», что и было исполнено [5. Ф. 229. Оп. 1. Д. 171. Л. 439]. Вскоре он, видимо, выехал в Вятку к своему господину. Никакой «крамоль», компрометирующей Дорошенко, московские правящие круги в этом деле не увидели.

То, что назначение в Вятку было Дорошенко не по нраву, подтверждается и другими источниками. Побывавший в Москве в марте 1683 г. польский посланец сообщал, что читал текст прошения Дорошенко, который, несмотря на назначение его в «славный и богатый» край, «z płaczem pisze, prosząc, aby go sprowadzono, a

pod stolicą pomieście dano» («С плачем пишет, прося, чтобы его забрали оттуда и приказали дать поместье возле Москвы»). «Bom ja prawi uczynił to dla wiary prawosławnej zem się do tego państwa garnał, a tu i Pana Boga zapomnieć przyjdzie, będę prawi życziwym przy oczach Ich Carskich Weliczewstw» («Ведь я истинно сделал это ради веры православной, что стремился в эту державу, а здесь и Господа Бога забыть придется, буду я подлинно доброжелателем, [проживая] на очах их царских величеств»), – приводил поляк слова гетманского челобитья. Оно, впрочем, было отклонено. Дорошенко сообщили, что он должен пробыть в Вятке три года. Для надзора за бывшим гетманом и сбора податей туда послали выходца из тамошних земель, некоего дьяка-вдовца, женив его предварительно на супруге доктора-еврея Даниэля (по мнению Ю.А. Мыцька, личного врача Дорошенко), видимо умершего некоторое время назад. Автор реляции также отмечает, что дьяк повез Дорошенко некий сундук («skzynia») из Новодевичьего монастыря. Возможно, это было царское жалование для бывшего гетмана [22. С. 3–4]⁹, которое должно было подсластить горькую пилюлю отказа в удовлетворении челобитья.

Гетман Самойлович, однако, не успокоился и по-прежнему требовал отзыва Дорошенко с воеводства. В октябре 1683 г., в ходе переговоров Л.Р. Неплюева и Самойловича в Батурине «наодине», последний объявил «причины», по которым П.Д. Дорошенко «быть не пристойно», ни в Москве, ни в Вятке.

Во-первых, полагал гетман, польский король Ян Собеский бывшему правобережному гетману «друг доброй был, и будучи королем, говорил при многих [...] всячески б ему домогатца, а что ево Петра отыскать». Во-вторых, Самойлович сослался на информацию некоего грека, которая стала известна гетману через посредство бывшего переяславского полковника Дмитрашки Райцы. Согласно ей, Дорошенко якобы писал султану, напоминая ему, что «будучи в Чигирине, салтану турецкому служил верно и о обороне к нему салтану посылывал и писал многожды, и о здачи города досады б на не него не имел, а он де, и на Москве будучи, всякого добра его стороне ищет». Наконец, в-третьих, Самойлович напоминал царскому правительству, что Дорошенко «будучи в Чигирине, многие листы о государстве московском писал неистово с поносом, которые по ево, гетманове присылке и ныне обретаются в Приказе Малыя России». «И за такие ево неистовые писма той их государской милости он Петр Дорошенко, которую ныне имеет, не достоин» (курсив мой. – К.К.), – констатировал гетман. Он считал, что любая верность царям со стороны Дорошенко всегда будет показной, учитывая его прошлое: «Да ему ж от салтана турецкого дана была честь по ево желанию, со многим описанием титула и во всем было ему от салтана попущено, и когда ж он Петр напомнит то свое своевольное житье, никогда их государеве державе Московскому государству и Малой Росии доброхотом не будет» [5. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 590–590об.].

Повлиял этот навет Самойловича на русское правительство или нет, но в феврале 1684 г. Дорошенко сдал город Хлынов боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичу Лыкову и дьяку Василию Макарьеву. «Росписной список», составленный при приеме города свидетельствует о значительных работах по укреплению и постройке местного кремля, проведенных под руководством Дорошенко [3. С. 26–27].

Враждебность к бывшему правобережному гетману со стороны Самойловича, находила свое выражение и в отношении его родственников, проживавших на Украине. Так в 1684 г. под стражу был взят брат гетмана Григорий [24. С. 163], которого польская сторона прельщала гетманской булавой двумя годами ранее, пытаясь организовать на Украине восстание против Самойловича [14. С. 106–107, 116–118].

⁹ На данную информацию несколько лет назад обратил внимание украинский исследователь Ю.А. Мыцьк [23. С. 14], однако его публикация прошла мимо внимания авторов биографии П.Д. Дорошенко, В. Смолия и В. Степанкова [10].

Теперь же Григорий был обвинен в том, что произнес какие-то оскорбительные слова в адрес гетмана. Самойлович пожаловался в Москву. В ответ ему 29 апреля 1684 г. была направлена царская грамота о высылке в столицу Г. Дорошенко с семьей, детьми и с «пожитки». Получив послание, Самойлович видимо воспользовался им для давления на оппонента, демонстрируя ему, что в его власти отправить его в Россию или оставить по-прежнему в Соснице. Григорий повинился перед гетманом и получил прощение.

В июне 1684 г. в Батурин прибыл царский посланник, стольник Семен Ерофеевич Алмазов. Он спросил Самойловича, почему тот не исполняет указ о высылке Г.Д. Дорошенко, тем более что для этого представляется удобный повод: «А ныне тому время удобное, что Петр Дорошенко зговорил женитбу (на московской дворянке А.Б. Еропкиной. – *К.К.*) и тот ему брата ево приезд зело будет потребен».

Для приличия Самойлович сначала выразил готовность исполнить царскую волю, но затем заявил: «А что ево Григорья со мною была ссора, и я ево в том простил, что учинил мне досаду он, Григорей, пьяным делом, без хитрости» [5. Ф. 124. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 9–10]. В грамоте на имя царей Самойлович указывал, что Г.Д. Дорошенко «познав свою вину, [...] приезжал ко мне в Батурин, с великим упокорением прося, дабы ему ту вину спустил, и обеща я тихо и смирене житие свое весть», на что получил милостивое прощение [19. С. 163]¹⁰. Просьба гетмана была уважена, и в Москве посчитали инцидент исчерпанным. В наказе очередному царскому посланцу в Батурин – Семену Прокопьевичу Неплюеву (от 3 июля 1684 г.) говорилось, что если Г.Д. Дорошенко «от прежних своих неистовых поступков престал и в постоянстве себя удерживать обещался», то великие государи указали его оставить на Украине [5. Ф. 229. Оп. 5. Д. 279. Л. 6–7].

Опасения Самойловича вызваны были тем, что фигура бывшего гетмана, несмотря на его нахождение в почетной ссылке в Москве, все еще сохраняла политическое значение. Об этом свидетельствует и сообщение коронного подскарбия Мартина Замойского, который в июле 1686 г. писал жене из лагеря польских войск, вторгнувшихся в Молдавию, о дошедших до него слухах, что царское правительство направило в Запорожскую Сечь для борьбы с крымскими татарами Петра Дорошенко во главе четырех левобережных казацких полков (Миргородского, Полтавского и др.) [14. С. 407].

Говоря об отношении царского правительства к Дорошенко во время его пребывания в России в 1677–1684 гг., стоит отметить, что оно было весьма сдержанным. Челобитья гетмана об улучшении его материального положения удовлетворялись в гораздо более скромных размерах, нежели он того желал. По всей видимости, Дорошенко не получил поместий, которых просил в 1680 г.

В тоже время мы можем со всей определенностью утверждать, что до 1682 г. Дорошенко не покидал (по крайней мере, надолго) русскую столицу. Он жил скромно по меркам бывшего вождя правобережного казачества, коротая время в созерцании дворцовых церемоний и тщетных (в большинстве случаев) стараниях добиться от приказной бюрократии улучшения своего быта. Неспешный ритм жизни в Москве лишь изредка нарушался переездом на новое место жительства. При этом московские власти не церемонились с бывшим гетманом, когда потребовалось освободить его двор для матери царицы.

Отношение Самойловича к низвергнутому сопернику оставалось прохладным и даже враждебным и после того, как тот отрекся от гетманства и был вывезен в Россию. Гетман с недовольством смотрел на любое, сколько-нибудь заметное выражение благоволения по отношению к Дорошенко со стороны московского двора.

¹⁰ Здесь отмечено, что первая грамота о высылке Г.Д. Дорошенко была направлена с гетманским гонцом И.П. Лисицей, который видимо и приехал в Москву с жалобами на брата правобережного гетмана (любозытный факт, учитывая, что дочь Лисицы была замужем за другим братом П.Д. Дорошенко, Андреем. [8. С. 452]. См. также: [24. С. 163]. На его основе: [1. С. 620–621].

В источниках нет свидетельств, что царское правительство рассматривало возможность использовать Дорошенко как средство давления на Самойловича. Перспективы этого, учитывая длительную протурецкую ориентацию Дорошенко и отсутствие у него заметного рвения к царской службе, были достаточно призрачны. Однако Самойлович, по-видимому, опасался такого варианта развития событий. Об этом свидетельствует и дело Григория Дорошенко, и интриги Самойловича в отношении его брата, в том числе настояние об отзыве его с воеводства и высылке из столицы.

Оказалось вдруг, что намерения Дорошенко окончить свои дни в тихом подмосковном местечке и стремления Самойловича, болезненно воспринимавшего как ущерб своему престижу любую царскую «милость» бывшему сопернику, даже если последний вовсе не горел желанием ее обрести, полностью совпали. Русское правительство, в конце концов, приняло это во внимание, и в 1684 г. выслало почетного пленника в пожалованное тому подмосковное имение Ярополец к удовлетворению и его самого, и Самойловича, которому призрак чигиринского властителя, заставлявшего в свое время считаться с собой и царя, и крымского хана, и польского короля, не давал покоя еще долгое время после того, как Дорошенко утратил всякую реальную власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.
2. *Петровський М.* З життя Петра Дорошенка на Московщині // Записки наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1930. Т. 100. Ювілейний збірник на пошану акад. Кирила Студинського. Ч. 2. Праці історичні.
3. *Шекір М.* Петро Дорошенко після зречення гетьманства до сьогодні. Тернопіль, 2001.
4. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Отправка бывшего гетмана Петра Дорошенко в Москву // Terra Cossacorum: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук професора Валерія Степанкова. Київ, 2007.
5. Российский государственный архив древних актов.
6. *Крикун М.* Корсунська козацька рада 1669 року // *Крикун М.* Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Київ, 2006.
7. Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1877. Т. 9; СПб., 1882. Т. 12; СПб., 1884. Т. 13.
8. *Модзалевский А.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. 1. А–Д.
9. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7.
10. *Смолій В., Степанков В.* Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011.
11. *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
12. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974. Ч. 1; Тбилиси, 1979. Ч. 2.
13. Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4.
14. *Кочезаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
15. *Усенко О.* Царевич Симеон из Запорожья // Родина. 2006. № 9.
16. *Костомаров Н.И.* Руина // Исторические монографии и исследования. СПб., 1882. Т. 15.
17. *Глазов В.П.* Движение на Дону и Юге России весной 1682 года // Ученые записки Московского государственного заочного педагогического института. М., 1958. Т. 1.
18. *Черепнин Л.В.* Классовая борьба 1682 г. на Юге Московского государства // Исторические записки. М., 1938. Т. 4.
19. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1867. Т. 10; СПб., 1869. Т. 11.
20. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1.
21. *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Владимир, 1908. Т. 1.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rękopis 1712.
23. *Мицик Ю.А.* Фрагменти до біографії І. Мазепи // Сіверянський літопис. 2007. № 3.
24. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

1678 г., сентября 12. – Челобитная П.Д. Дорошенко с просьбой об увеличении жалованья и составленная по этому поводу приказная выписка.

(Л. 1а) Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом хо[лоп] твой Петрушко Дорошенко. По грамоте отца твоего госуд[арской], блаженные памяти великого государя царя и великого князя, Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, которая ко мне, холопу твоему, писана о склонности мо[ей], жалуя, хотел меня холопа своего в премногой милости своей госуд[арской] держати и жаловати, и я по верному своему обещанию служ[ил] вам великим государям, татар на сию сторону Днепра вой[ною?] не пускал, также и сам не ходил и после того во свидетелства моего желателства и верного поддателства турецкие санжаки с тестем своим с Павлом Яненком Хмелничком ко отцу твоему государеву, блаженные памяти к нему, великому государю, прислал. И помня ево государскую премногую неизреченную милость к себе, по той его великого государя грамоте, ко мне писан[ой], оставя все свои пожитки в Чигирине, дворы и онбары, со многими запасы от многих лет собраньему, приехал ис Чигирина на сторону Днепра в полки¹ боярина и воеводы князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарищи и гетмана Ивана Самойловича головою своею и с клейнотами войсковыми, и бил челом тебе, великому государю в вечное подданство и regiment, гетманство свое здал и войсковые клейноты все отдал и учинился под вашею великого государя высокою державною рукою в великом подданстве. А боярин и воевода князь Григорей Григорьевич Рамодановской и гетман Иван Самойлович и вся старшина Войска Запорожского с подписми рук своих и с приложением печати дали мне обещание душами своими, письмо, что мне дано будет на житье место, в котором все мои чигиринские пожитки в целости будут. И того мне по се время не учинено и ныне я не надеяся ни на что, толко на премногое милосердие ваше государское. А что в Чигирине осталось, и то все пропало. И которую животину пригнал с собою на сию сторону в город Сосницы и та вся попадала. А я, холоп твой, взят к тебе, великому государю к Москве на малое время и живу на Москве другой год и от того все мои пожитченка пропали. А что твоим великого государя жалованьем я холоп твой пожалован, поденным кормом, и тем мне, холопу твоему, впред прожит не чем, потому что конского корму и дров нет покупат ис тогож корму. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, своим великого государя жалованьем, как тебе великому государю Бог известит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(Л. 1а об.) [7] 187 году, сентября в 10 день выписат.

(Л. 2) И в приказе Малыя Росии выписано.

Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца жалованья Петру Дорошенку давано поденного корму и питья с приезде ево июля по 28-е число прошлого [7] 185 году.

Петру по 6 алтын по 4 деньги да на мелкое по 3 алтына по 2 деньги; питья по 4 чарки вина двойного, по 3 крушки меду вареного, пивая ячного потому ж.

¹ В тексте «полку».

Казаком:

2-м человеком по 2 алтына по 2 деньги; питья по 3 чарки вина, по 2 крушки меду, пива потому ж.

8 человеком по 10 денег; питья по 2 чарки вина, по крушке меду, по 2 крушки пива.

4-м человеком челядником по 6 денег, питья по 2 чарки вина, по крушке пива на день.

Всего поденного корму и питья давано ему на 15 человек.

И на день поденного корму с казаки и с челедью давано ему денег по 32 алтына.

Питья по пол 2 крушки и по 4 чарки вина двойного и простого.

По 2 ведра без крушки меду вареного и белого.

(Л. 3) По 3 ведра пива ячного.

А на неделю денег по 6 рублей по 24 алтына, питья по пол 2 крушки без 2 чарок вина двойного, по ведру с крушкою и по 2 чарки вина простого.

По пол 3 ведра с крушкою меду вареного.

По 10 ведр с полведром меду белого.

По 21-му ведру пива.

А на месяц денег по 28 рублей по 26 алтын по 4 деньги.

Питья по 6 кружек вина двойного.

По пол 6 ведра вина простого, по 11 ведр и по 2 крушки меду вареного.

По 45 ведр меду белого, по 101-му ведру и по 2 крушки пива ячного.

А на год по 9 ведр вина двойного, 66 ведр простого, 135 ведр меду вареного, 540 ведр меду белого, 1215 ведр пива.

Да ему ж Петру давано конского корму на 4 лошади по чети овса, по возу сена на 10 дней лошади.

Да для топленья 2 печей в полатах, да на поварню и в мыльню по 3 воза на неделю.

И в прошлом во [7] 185 году по указу великого государя и по докладной выписке за пометою думного дьяка Лариона Иванова, августа 3 числа велено ему Петру и жене ево и дочери и за казаков и за челядников поденного корму и за конской корм и за дрова давать по 2 рубли на день, а на месяц 60 рублей, а на год 730 рублей, а питья против прежняго по указным статьям на 15 человек.

(Л. 4) И то его великого государя жалованье с приезде ево даетца ему все сполна, а жене ево и дочери особые дачи корму и питья не бывало.

И великому государю, царю и великому князю Феодору Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, Петр Дорошенко бьет челом, ища он его государской милости и надеяс на премногое его государское жалованье, которое обещали ему боярин и воевода князь Григорей Григорьевич Рамодановской и гетман Иван Самойлович, учинился в вечном подданстве ему великому государю. А которые прежние ево пожитки были и те все в Чигирине ныне пропали. А великого государя жалованьем поденным кормом будучи на Москве прожить нечем, потому что конской корм и дрова покупает ис того же корму. И великий государь пожаловал бы ево своим великого государя жалованьем, как ему великому государю об нем Бог известит.

Помета на скрепах выписки и в конце текста: (л. 1а) [7] 187 году сентября в 12 день государь по(л. 2)жаловал, велел ему давать (л. 3) своего государева жалованья конского (л. 4) корму на пят лошадей по указу, да на месяца в зиму октября с 1 числа до весны по сажени мерной дров, а с весны до октября на три месяца по две сажени дров.

РГАДА. Ф. 229. Он. 1. Д. 114. Ч. 1.

1680 г., не позднее января 3 – Челобитная П.Д. Дорошенко с просьбой пожаловать ему вотчину.

(Л. 1) Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, пад до лица земнаго пред пресветлым² вашего царскаго величества престолом, бьет челом холоп твой, Петрушка Дорошенко. Создателю нашему, всемогущему Богу ведомо есть, что еще от юносных лет моих душа моя желала, дабы вскоре возмогл было под славно державною рукою вашего царскаго пресветлаго величества, единого на свете православнаго государя пребывати. И в том всегда было мое желание, а Божие действие и тогда уже все збылося, когда его воля святая меня тым благословити изволила. Вашего царскаго пресветлаго величества на милостивое слово и грамоту вседушно спешился есмь, которая чрез вашего государева боярина князя Григорья Григоревича мне вручена с таким желанием по реченному пророком и царем Давидом, аки елен на источники водныя, тако желала душа моя тебе³, великому государю меня з женишкою и детишками моими под стопы ног твоего царскаго пресветлаго престола принести. Не жалеючи ни своих от юносных лет и изобретенных благ в Чигирине, в ымбарех, все свои отчинныя животишка, також села, пруды, мельницы и пасеки оставил смиренно, пришел есмь под славно державную руку вашего царскаго пресветлаго величества с малою частицею животишков моих, для того, что б воли вашего царскаго пресветлого величества довольно моим смиренным покорением учинилос. Господа Бога не ложно взываю, которому все прежде бывшия мои поступки ведомы есть, пребывая в Чигирине, что есть ли б я не дал было достальной моей казны пешим, тогда при мне будучим людем, тогда они конечно думали меня под славно державную руку вашего царскаго пресветлаго величества не отпустить, того желая (л. 2), что б меня, холопа твоего, х королю полскому присокупити, от чего оберегаяся, принужден было их своею казною к своему намерению приклонити и к боярину князь Григорью Григорьевичю и к гетману к Ивану Самойловичю тогда писал я, что б они скоро твою великого государя обнадежную грамоту к ним присылали, обнадеживая их твоим великого государя милосердием. И таковым поведением Господь Бог мне в намерении моем путь показал, а что ни есть животишков и запасов моих в Чигирине осталось и что на сю сторону Днепра перевез было, то все через три сие лета издержалос, а чигиринския мои запасы его милость господин гетман обещался было таковою ж мерою мне на сей стороне Днепра⁴ отдати, какою в Чигирине воие(н)ским своего ре(й)менту людем мои запасы роздал, которых запасов мне, холопу твоему, и по се число не отдано. А как я на сю сторону Днепра перешол з достальными животишки и там немного пожил и для жития никакова себе места скорости ради не устроил и того ради з достальными своими животишки разорился. А ныне пад под стопы ног вашего царскаго пресветлаго величества, смиренно бью челом, изволь ваше царское пресветлое величество ради Христа Спаса на меня, недостойнаго раба своего, милость свою государскую излияти в том, чтоб ты, великий государь, указал мне, холопу твоему, где ни есть вотчинное местечко для жития з женишкою и з детишками моими, что б мне безпомесному в конец не разорится, понеже лета мои приближаются кончины, а как меня смерть постигнет, детишка останутся, и по смерти моей местца себе не будут иметь, о том ныне я зело печален. А покамест в теле душа моя будет пребывати, обещаюсь со всеми

² В тексте «пресветлыми».

³ Перефразированная цитата из сорок первого псалма Псалтыри: «Имже образом желает елень на источники водныя, сие желает душа моя к Тебе, Боже».

⁴ В тексте «Днетра».

домочатцы своими не токмо телом, но и душою тебе единому на свете православному государю вседушно радети и Господа Бога молити⁵, дабы он прекрепкою силою своею всех твоих противных врагов силы под ноги твоему царскому (л. 3) величеству покорил. Его милость господин боярин князь Григорей Григорев и ево милость господин гетман Иван Самойлович со всею воинскою старшиною учинили присягу и кресным целованием утвердили пред иконою Всемилоствитого Спаса и Пресвятей Богородицы, что мне против твоей царского пресветлаго величества грамоты, что с милостивым словом ко мне прислана, ходатайством своим обнадеживали твоею великого государя неизреченною милостию и обещали для жития з женишкою и з детишки местцо в вотчину у тебя великого государя изходатайств(ов)ать там, где было по изволе(н)ю вашего царского пресветлаго величества пригож(е). А тое еще и по се число не учинилос. И того ради, я, холоп твой зело оскорблен, что и в Чигирине болшой убыток також и на сей стороне Днепра потеряка мне животишкам моим учнило, а я, жи(в)учи на Москве, оскудал и великими долгами одолжал и в украинских странах что было животишков, для тамочнаго моего небытия роспропало. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, страннаго, беднаго и безпомочнаго холопа своего для своего царского многолетнаго здоровья и для одержания над враги своими победы и изволь великий государь своим неизреченным милосердием государским мне, холопу своему, указать гд(е) вотчинное местцо, чтоб мне по мою смерть, а детишкам моим по моей смерти было где главу приклонит. Царь, государь, смилуйся.

На л. 1 об. помета: [7] 188 году генваря в 3 день выписать.

РГАДА. Ф. 229. Он. 1. Д. 151.

№ 3

1680 г., не позднее августа 17. – Повторная челобитная П.Д. Дорошенко с просьбой пожаловать его вотчиной.

(Л. 10). Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой, до конца розореной Петрушка Дорошенко. Бил челом я холоп твой тебе, великому государю о Чегиринском и по сю сторону Днепра о своем всяком розорении, и та государь моя челобитная от твоей государской пресветлой милости ко мне убогому и розоренному холопу твоему ни с каким указом ни схаживала. И я, холоп твой, в розорении своем розоряюс в конец. Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего для своего царского многолетнего здравия и для всемерной своей государской пресветлой радости, не дай мне убогу и розорену холопу своему впред в конец розоритца и против прежнего моего челобитья и нынешнего надо мною убогим свой государской милостивой розсмотрителной во всем указ учинить, чтоб мне, убогому и розоренному и достал в конец не розоритца и з женишкою и з детишками своими и с людишками быть и работат тебе, великому государю, аки Богу и обед пред вами, великими государи, свой исполнить. Царь, государь, смилуйся.

На л. 10 об. помета: Приискат прежнюю ево челобитную и положить на стол.

РГАДА. Ф. 229. Он. 1. Д. 151.

⁵ Далее в конце строки идет слог «да», хотя на следующей строке «дабы» написано полностью.

1680 г., августа 23. – *Опись состояния двора Г. Никитникова после съезда с него П.Д. Дорошенко.*

(Л. 22) [7] 188 году августа в 23 день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Петр Дорошенко гостя з Григорьева двора Никитникова со всем переехал на Покровку на Посолский двор.

А по осмотру на Григорьеве дворе Никитникова в полатах:

В передней образ Рождество Пресвятыя Богородицы, стол дубовой и во всех полатах, что вдоль двора окончины и затворы железные у всех окон лавки и печь, и пол, и двери, и крюки – все в целости.

В деревяной, где у него была покоевая, образ Успения Пресвятыя Богородицы, стол дубовой, во всех окнах окончины, лавки и полки, и печь, и пол – все в целости.

В полатах же, что поперег двора по улице, где жили челяд ево, два образа, два стола дубовые расколоты, 2 скамьи, окончины и затворы железные, у всех окон целы и в том числе 3 окончины худы, лавки и пол, и печи, у дверей крюки и пробой целы.

РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 151.